

ИНФЛЯЦИЯ – СТРУКТУРНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

И. С. Королев,

*член-корреспондент Российской академии наук,
советник РАН Национального исследовательского института мировой экономики и международных
отношений имени Е. М. Примакова; e-mail: korolev@imeto.ru*

В статье рассмотрены особенности и фундаментальные причины инфляции в России: политически ориентированные реформы 90-х гг., низкая эффективность экономики, ее сверхцентрализация, чрезмерная зависимость от внешних факторов, психология бизнеса, неразвитость финансового рынка. Оценены антиинфляционные возможности и ограничения денежно-кредитной и бюджетной политики, взаимозависимость инфляционного таргетирования и экономического роста, роль отраслевых регуляторов.

The causes of structural character of inflation in Russian economy are examined in the article: reforms of 90s, low effectiveness and high centralization of the economy, mentality of business, weakness of the financial market. The article presents the results of anti-inflation policy, the role of monetary, budget and sectoral regulators, relationship between inflation targeting and economic growth.

Ключевые слова: инфляция спроса; инфляция издержек; инфляционное таргетирование; антиинфляционная политика; экономический рост.

Key words: demand-pull inflation; cost-push inflation; inflation targeting; anti-inflation policy; economic growth.

УДК 336.748.12

Инфляция в России частично унаследована от советских времен, частично предопределена политической и экономической обстановкой перехода к рыночной экономике.

Особенности инфляции в России

В СССР было лишь два безынфляционных периода: 1922–1925 гг. и большая часть 50-х гг. Причины разные. Первый период – НЭП, который жил в основном на дореволюционных запасах, инвестиции были на очень низком уровне, в тяжелую промышленность практически ничего не вкладывали, но экономика могла предложить достаточное количество потребительских товаров, в том числе продовольствия (основные производители – зажиточные крестьяне «кулаки»). Государственные расходы были ограничены – «партмаксимум» у большей части бюрократии, низкие военные расходы (распушенная после Гражданской войны армия не превышала 500 тыс. человек), частично сохранившиеся рыночные институты – тресты, коммерческий кредит, оборот векселей, развитая сельхозкооперация и т. д. Стоимость рабочей силы тормозилась относительно высоким уровнем безработицы.

В 1950-е гг. инфляция подавлялась снижением жизненного уровня большинства населения, прежде всего колхозников. Излишняя денежная масса изымалась при помощи обязательных займов. Существовавший институт налоговых агентов достаточно эффективно работал с производствен-

ными артелями, а также с неформальным сектором (налогами пытались обложить даже репетиторство). При этом дифференциация в зарплатах была существенной, но все же не такой, как в настоящее время. При средней зарплате в промышленности 500 руб. (в масштабе цен до деноминации 1961 г.) заработок многих категорий работников (от шахтеров до ученых) был значительно выше. Так, в середине 50-х гг. заработок академика (директора института и по совместительству завкафедрой в вузе) был в 40 раз выше средней зарплаты по стране. Достаточно высокие зарплаты относительно существовавших тогда цен получали квалифицированные рабочие, инженеры, конструкторы. При этом дифференциация в доходах, необходимая для экономического развития, не вела к инфляции.

С конца 50-х гг. СССР перешел на эмиссионное финансирование экономики. Сначала это дало положительный эффект для повышения жизненного уровня, в частности для массового строительства жилья. Но со временем такая экономика привела к появлению всеобщего дефицита и резкому ухудшению качества продукции. Эмиссионное финансирование экономики сопровождалось грубыми ошибками в экономической политике – ликвидация производственных артелей, обложение непосильным налогом приусадебных хозяйств колхозников, целина, непоследовательность в госуправлении экономикой – от министерств к совнархозам, укрупнение совнархозов, опять министерства, разделение партийных организаций (обкомы и райко-

мы по промышленности и по сельскому хозяйству). В более «спокойный» брежневский период, несмотря на формально стабильные цены (периодически они все же повышались – на мясо, например), скрытая инфляция постепенно накапливалась. Свой вклад внесла афганская война. В 1991 г. открытая инфляция уже составила 6,8%. Скрытая же была, конечно, больше.

Ошибки перестройки обескровили экономику. Распад СССР происходил в условиях экономического и политического хаоса. Сохранение в течение какого-то времени после распада рублевой зоны оказывало дополнительное инфляционное давление на экономику Российской Федерации. Неудивительно, что в 1992 г. потребительские цены, после их либерализации, выросли в 26 раз, а денежная масса «только» в 7,4, образовав дефицит платежных средств для текущих расчетов между предприятиями. Начался вал неплатежей. В 1993 г., несмотря на распад рублевой зоны, денежная масса выросла в 4,8 раза, а цены в 9 раз.

Вплоть до кризиса 1998 г. инфляция постепенно снижалась: в 1994 г. потребительские цены выросли в 3,1 раза, в 1995-м – в 2,3 раза, в 1996-м – на 21,8%, в 1997 г. – уже только на 11%. Этому, в частности, способствовали такие меры, как прекращение функционирования рублевой зоны, внутренняя обратимость рубля, свобода для неформального сектора, в том числе в сфере внешнеэкономических связей («челноки»). Удалось в короткий срок наполнить внутренний рынок импортными промышленными и потребительскими товарами. Долларизация стимулировала накопления населения в валюте и в какой-то мере сдерживала инфляционное давление. Но в долгосрочном плане все эти меры создали систему долгосрочных негативных факторов, до сих пор определяющих особенности инфляционного процесса в России.

Характерно, что в современной российской экономике широко присутствуют такие элементы скрытой инфляции, существовавшие в советские годы, как вымывание дешевого ассортимента и ухудшение качества продукции.

Снижение инфляции не было абсолютным приоритетом в 90-е гг. Регулярно повышались пенсии и зарплаты бюджетникам, в том числе за счет дефицита бюджета, который, в свою очередь, финансировался выпуском ГКО. Однако неверное целевое использование этого финансового инструмента привело в итоге к дефолту 1998 г., когда произошла четырехкратная девальвация рубля, и к новому всплеску инфляции: 84% в 1998 г., 36,5% в 1999 году.

На однозначную годовую инфляцию впервые вышли только в 2006 г. (9%), и то ненадолго. Мировой кризис 2007–2009 гг. понизил нефтяные цены, курс рубля и, следовательно, усилил инфляционные ожидания, еще раз показав, что один из главных факторов инфляции – девальвация рубля.

В 2007 г. и 2008 г. темпы роста потребительских цен стали вновь двузначными (соответственно 11,9 и 13,3%). Начиная с 2009 г. и вплоть до конца 2014 г. инфляция была ниже 10%. При этом рост денежной базы был значительным (с 2008-го по 2014 г. денежная масса выросла более чем в 2 раза). Устойчивый рост мировых цен на нефть и масштабный приток валюты вынуждал Банк России сдерживать рост курса рубля с тем, чтобы поддержать конкурентоспособность экономики, и скупать доллары – основной источник эмиссии в тучные 2000-е гг. Однако, несмотря на быстрое увеличение денежной массы в этот период, рост цен сдерживали низкие девальвационные ожидания, рост реального курса рубля и удешевление импорта. Но потенциальный риск инфляции оставался. Падение нефтяных цен и курса рубля в конце 2014 г. опять вернуло экономику к двузначной инфляции (11% в 2014 г. и почти 13% в 2015 г.).

Жесткая денежно-кредитная политика Банка России позволила стабилизировать рыночный курс рубля и несколько уменьшить его зависимость от цены на нефть, что привело к снижению инфляции в 2016 г. (предположительно до 6%).

Тем не менее политика Банка России подвергается острой критике. От регулятора требуют активнее участвовать в стимулировании экономического роста. Дилемма – инфляция или экономический рост – стала в центре дискуссий на академическом уровне и на совещаниях у руководства страны. Однако это дискутирование оставляет за кадром многие глубинные проблемы российской экономики, решать которые необходимо одновременно и для подавления инфляции, и для перехода к устойчивому качественному росту.

Это – сохраняющаяся низкая эффективность экономики, региональные диспропорции, чрезмерная зависимость от импорта, структура занятости и доходов, менталитет бизнеса, теневая экономика, неразвитость финансового рынка, отсутствие долгосрочных стимулов к добросовестному труду, всеобщее недоверие экономических агентов друг к другу и к правительству.

Фундаментальные причины инфляции

Низкая эффективность экономики. Мы не смогли сократить кратный разрыв в уровнях производительности труда с ведущими странами. В России, по расчетам Центра прогнозирования ИМЭМО, выработка на одного занятого в 4–5 раз меньше, чем в США (как и в 1990 г.), и в 3–4 раза меньше, чем в ЕС. По отдельным отраслям разрыв на порядок больше.

При этом потребительские претензии через так называемый демонстрационный эффект приблизились к западным стандартам, а порой даже более завышенные. Например, визуально автомобили на улицах Москвы значительно более дорогие, чем в Париже. И это при том, что большая

часть страны (малые города и сельская местность) не обустроена для нормальной и удобной каждодневной жизни.

В ведущих странах мира высокая доля сферы услуг в экономике – результат эффективности перерабатывающих отраслей. У нас не так. Растущая доля услуг в российской экономике не соответствует эффективности нашей обрабатывающей промышленности. Структура доходов стимулирует занятость не в сфере производства, а в торговле, посреднических услугах, финансовых и валютных операциях.

Низкая эффективность российской промышленности и сельского хозяйства во многом связана с неразвитостью транспортной инфраструктуры и плохой логистикой. Совокупные издержки на транспорт и логистику в России – 20%, в Китае – 15%, в Европе – 7–8%¹. И дело не только в большой территории. Исторически коммуникационно-транспортная схема в России сверхцентрализована. Все дороги ведут в Москву. Ее функции товарораспределительного центра завышают стоимость поставок для потребителя в регионах. Это тоже вклад в инфляцию. Современная экономика требует перехода от радиальной транспортной схемы к сетевой. Иначе не избежать излишней дальности перевозок, встречных транспортных потоков, повышенных нагрузок на транспортные средства и т. д. Для перехода к принципиально новой транспортной схеме практически ничего не делается.

Уже начавшееся строительство ЦКАД только усиливает роль Московского региона в транспортных перевозках.

В рейтинге Мирового банка по развитию логистической системы Россия на 90-м месте. В то время как США – на 9-м, Канада – на 12-м, Австралия – на 16-м, Китай – на 28-м, Бразилия – на 65-м месте.

Неразвитость дорожной сети сдерживает налаживание современной логистики. Практически ушли в прошлое комбинированные перевозки (железная дорога – автотранспорт) во многом из-за плохой организации перевозок в РЖД, устаревшей инфраструктуры и изношенного подвижного состава. Объемы контейнерных перевозок по Транссибу в СССР были на порядок больше, чем сейчас. Перевозки автотранспортом стали рентабельнее перевозок по железной дороге. Это полностью противоречит мировой практике. Речной транспорт продолжает деградировать. Не можем восстановить морские каботажные перевозки, которые могли бы взять на себя существенную часть грузопотоков с Крымом, как было и до революции, и в советский период.

В сентябре 2015 г. на Восточном экономическом форуме было объявлено, что с 1 октября

Владивосток и 14 портов Приморья становятся порто-франко. Этого не случилось. Обработка контейнеров в порту Владивостока по-прежнему занимает 72 часа, а 450 км южнее – в порту Дальний (Дальний) – 18 минут, включая растаможку.

Ощущается дефицит современных складских комплексов, особенно в регионах. На Дальнем Востоке и в Сибири они практически отсутствуют. По оценкам журнала «Эксперт», из 19 млн кв. м существующих качественных складских помещений 11,6 находятся в Московском регионе, 2,5 – в Санкт-Петербурге, примерно по 1 млн в Екатеринбурге и Новосибирске.

Излишнее внимание, на наш взгляд, уделяется у нас международным транспортным коридорам Север – Юг и Тихий океан – Европа. Возможности получать прибыли от транзита чужих грузов по нашей территории преувеличены. Ведь главная, основная функция транспортно-коммуникационной системы – содействие развитию собственных регионов и повышению эффективности экономики за счет снижения транспортной составляющей.

Неэффективность экономики проявляется и в структуре занятости. Охранниками в частных структурах работают, по различным оценкам, до 6 млн человек. Операциями с недвижимостью занимаются 5 млн. В расчете на 1 тыс. жителей ретейлеров и работников ритуальных услуг у нас в разы больше, чем в других странах (развитых и развивающихся). Аппарат госуправления больше, чем был в СССР. Раздуты штаты и в крупных компаниях – как государственных, так и частных. Так, даже в наиболее рентабельной отрасли – нефтяной промышленности – добыча нефти на одного занятого у «Роснефти» в 3 раза меньше, чем у норвежской *Statoil* или американской *Copoco Phillips*. У «ЛУКОЙЛа» этот показатель еще хуже (данные за 2005–2009 гг.).

Естественные монополии. Распространенное клише: один из главных источников инфляции – естественные монополии. На самом деле вопрос сложнее. Во-первых, ситуация совершенно разная в ЖКХ и в обеспечении экономики газом, электроэнергией, железнодорожными услугами. Во-вторых, проблема естественных монополий напрямую связана с неэффективностью, необходимостью модернизации этих отраслей, что требует значительных инвестиций. Главный вопрос – кто за них будет платить.

Жилищный фонд страны, особенно в моногородах, поселках, где многоквартирные блочные дома построены еще во время укрупнения деревень, изношен до предела. Инфраструктура (тепло- и водоснабжение, канализация) требует замены. Модернизация железных дорог также давно назрела.

Несколько иное положение дел в электроэнергетике, где многие проблемы – результат неудачной реформы РАО ЕЭС. Вместо одной неэффективной монополии возникли сотни неэффективных посредников. То есть на входе формирования

¹ Матвеева А. Продвижение без тромбов // Эксперт. 2015. № 41. С. 26–28.

национальных издержек экономика получает непрозрачную систему ценообразования.

Не всегда монополия – плохо. Например, «Газпром» выполняет определенные социальные функции: газ для населения в разы дешевле, чем в Европе. Либерализация рынка газа, если ее осуществлять так же, как реформировали РАО ЕЭС, приведет только к росту тарифов для домохозяйств, т. е. к инфляции. А экспортные цены на газ снизятся из-за внутренней конкуренции, но выгоду от этого почувствуют только потребители газа за рубежом. То есть везде нужны продуманные просчитанные решения, проработанные специалистами с учетом конкретной ситуации.

Абстрактный, теоретически вроде бы правильный подход ни к чему хорошему не приводит. Реформа РАО ЕЭС этому прямое подтверждение.

Неэффективность экономической системы, точнее, неразвитость рынка, проявляется, в частности, в проведении значительного объема операций, минуя банки. Это касается закупок большей части продукции у сельхозпроизводителей, в том числе для экспорта, заготовки древесины, автомобильных грузоперевозок и др. По-прежнему значительным остается бартер. Так, несколько старых вагонов меняются на один новый. И дело не в нехватке денег. Фактически это уход от налогов. Имеет место вынужденное «самообеспечение» производства. Нефтегазовые компании создают свои электростанции на Дальнем Востоке и на Севере. Вагоностроительные предприятия – свои сталелитейные производства.

Все это дополнительно стимулирует инфляцию издержек.

Психология бизнеса. Установка на рост цен заложена у современного российского бизнеса еще в ходе перестройки и в 90-е гг. Политически ориентированная приватизация и залоговые аукционы создали целые кланы неэффективных собственников. Большинство компаний до сих пор ориентировано на краткосрочную доходность, т. е. на максимизацию цен продаж, а не увеличение доли на рынке.

Инфляционные риски связаны и с тем, что с конца 80-х – начала 90-х гг. у бизнеса утвердился приоритет внешнего рынка по сравнению с отечественным. Полученный предприятиями прямой доступ к внешнему рынку (по идее правильная, но неподготовленная мера) создал условия для быстрого обогащения экспортеров сырья (нефть, металлы, удобрения, уголь) за счет порой многократной разницы между фиксированными внутренними ценами и мировыми. И наоборот, по импорту ширпотреба разница в ценах, составлявшая значительную часть поступлений в бюджет при монополии внешней торговли, стала поступать в частные руки. Во внешнеэкономической деятельности первые долларовые миллионеры появились еще до распада

СССР. Одновременно происходила криминализация этой сферы. Обратимость рубля была скоропалительно введена в середине 1992 г. в разгар экономического хаоса и политической нестабильности (что беспрецедентно для мировой практики). Причем при фактическом отсутствии валютного контроля. Закон Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле» был принят только в октябре 1992 года.

Число коммерческих банков, появившихся тоже в годы перестройки, одно время составляло около 3 тыс., но эффективной банковской системы, ориентированной на кредитование реального сектора экономики, создано не было. Деятельность значительной части коммерческих банков была непрозрачной. Многие были фактически финансовыми компаниями крупных корпораций. Остальные принадлежали территориальным органам управления. Разгребать эти «авгиевы конюшни» Банк России вынужден до сих пор.

Неэффективность банковской системы приводит к удорожанию кредитов для бизнеса и населения, что также несет в себе инфляционную составляющую. Коммерческие банки привыкли работать на «дешевых» внешних ресурсах, но реальный сектор от этого не имел никаких выгод. Маржа коммерческих банков между привлекаемыми и предоставляемыми в кредит средствами в разы превышает соответствующий показатель в развитых и многих развивающихся странах. Банковские расчеты обходятся и предприятиям, и населению дороже, чем в большинстве зарубежных стран.

Основными получателями льготных кредитов и в 90-е, и в 2000-е гг. были предприятия ТЭК, прежде всего госкомпании. Налоговые льготы предоставлялись по крупным проектам по экспорту энергоресурсов (пример: «Голубой поток»). И продолжают предоставляться, например, госкомпаниям при работе на арктическом шельфе.

В противовес ТЭКу сельское хозяйство, несмотря на многочисленные декларации, не являлось и не является приоритетом экономической политики. Доля поддержки сельского хозяйства в бюджете, составлявшая в 1990 г. 14%, снизилась до 1,2%¹. Валовая продукция сельского хозяйства едва ли достигла уровня 1990 г., а животноводства упала на 1/3, крупного рогатого скота – наполовину. Во многом поэтому Россия и стала экспортером зерна (сократились потребности в кормах). Существенную роль в экспорте зерна играют международные корпорации. Компании, занятые оптовой торговлей зерном, сахаром, подсолнечником, розничные торговые сети процветают при продолжающейся деградации села, по крайней мере, в средней полосе России. Закупочные цены

¹ Буздалов И. Современная стратегия аграрной политики в контексте «особого российского пути» // Мир перемен. 2016. № 1. С. 41.

составляют лишь 15–20% от розничных цен, в мире в среднем – 50%. В большинстве стран между производителем и конечным потребителем действует в среднем три фирмы, включая транспортировку и переработку продукции. В России – шесть, и каждая накручивает цены¹. Схожая ситуация в сбытовой цепочке по рыбе и рыбопродуктам, где розничные цены в 3–3,5 раза выше оптовых. Резко упал промышленный вылов рыбы на внутренних водоемах из-за остановки работы консервных заводов, отсутствия средств хранения и доставки. Все это напрямую отражается на продовольственной инфляции.

Отношение к сельскому хозяйству наглядно проявилось при переговорах о присоединении России к ВТО. Интересы аграриев были фактически сданы. Под давлением лоббистов российских банков и страховых компаний их защита от международной конкуренции была обменена на плохие условия вступления в ВТО для российских аграриев.

Малый и средний бизнес (особенно в сфере производства), работающий в условиях острой конкуренции и имеющий гораздо меньшие, по сравнению с крупными компаниями, возможности произвольно завышать цены, до сих пор не получил развития. По данным Мирового банка, доля малого и среднего бизнеса в российской экономике – 20%. Для сравнения: в США – 50%, в ЕС – 50–70%, в Японии – 55%, в Китае – 60%. Принятые правила гарантированного допуска малых предприятий к государственным закупкам и закупкам госкорпораций фактически не работают из-за существующих бюрократических правил.

Существенная часть бизнеса находится в тени. Точных масштабов теневого оборота никто не знает. В 2011 г. Росстат оценивал теневую экономику в 16% ВВП и 13 млн человек, или 17–18% экономически активного населения, включая теневые операции легальных компаний². В 2016 г. вице-премьер О. Голодец озвучила число занятых в теневой (ненаблюдаемой) экономике – 22 млн человек. По идее неформальный сектор должен был бы предоставлять услуги и производить товары по более низким ценам. Но значительная часть теневого бизнеса «крышется» криминалитетом, что ведет к накрутке цен, скорее всего опережающей инфляцию. Получается двойной ущерб – недополучение налогов в бюджет (косвенная инфляция) и прямой рост дороговизны.

Ошибки при принятии инвестиционных решений характерны как для частного российского бизнеса, так и для государственного. Даже в Москве можно видеть годами замороженные стройки. Есть много примеров инвестиционных ошибок не только в строительстве. Два наиболее характерных: РусГидро

в конце нулевых годов построил на базе передовых технологий приливную электростанцию в устье р. Мезень (Архангельская область), но сбыта для электроэнергии не оказалось. В 2012 г. группа ИСТ ввела в эксплуатацию большой вагоностроительный завод в Тихвине, и выпуск вагонов в целом по стране достиг исторического максимума – без малого 72 тыс.³ Но с тех пор производство вагонов в стране только падало. Основная причина в том, что прежний дефицит сменился избытком вагонов на путях (1,2 млн грузовых вагонов – крупнейший парк в мире). Частично это произошло за счет импорта. Частично – за счет высокой доли (25%) старых вагонов (одной из причин падения скорости доставки грузов). Механизма списания парка старых вагонов нет. То есть дело не столько в отсутствии дешевых кредитов (они, может быть, привели бы к еще большему профициту вагонов), сколько в неправильных управленческих и технологических решениях. И чем больше будет в стране «дешевых» денег («финансового форсажа»), тем больше будет подобного рода просчетов и меньше ответственности при принятии инвестиционных решений. Впустую потраченные деньги – это и есть инфляция.

Тем не менее даже в таких условиях формировались бизнес-структуры, способные эффективно работать в условиях рыночной конкуренции на долгосрочную перспективу, вкладывать в основной капитал собственные средства. Был модернизирован за счет новых собственников и на основе импорта новейшего оборудования ряд промежуточных отраслей промышленности – черная и цветная металлургия, цементная, строительная.

Даже в кризис продолжают строиться новые малые и средние предприятия, большинство без госсубсидий. Риски оценивает не государство, а собственники. За первое полугодие 2015 г. в России открыто 68 производств. Только в июне 2015 г., по данным сервиса «Яндекс-Новости», создано 4–6 тыс. новых рабочих мест. Обнадеживает география запуска новых предприятий. Лишь одно – асфальтовый завод – открылось в Москве, остальные в регионах – от Центра до Урала, Сибири и Камчатки. Их отраслевая принадлежность достаточно диверсифицирована. При преобладании заводов по производству стройматериалов новые предприятия появились в химической, пищевой промышленности, в фармацевтике, машиностроении (завод точного машиностроения в Угличе), автокомпоненты (с участием иностранного капитала).

В 2016 г. тенденция запуска новых производств сохранилась. Что важно: несмотря на санкции, активизировались иностранные инвесторы. Больше всего компаний из Германии, Китая и Франции. Продолжают инвестировать

¹ Бельчук А. Мифы и реальность ценовой политики // Российская Федерация сегодня. 2008. № 5. С. 50–51. http://www.ziev.ru/146/146_13.htm

² Деловая электронная газета Татарстана. 2011. 16 апреля.

³ См.: Кудияров С. Урок рыночной экономики // Эксперт. 2015. № 24.

американские, южнокорейские, японские фирмы. Естественно, их привлекают регионы с нормальным инвестиционным климатом, где действуют понятные для инвесторов правила. Если исключить ТЭК, то это, как и до кризиса, прежде всего Калужская область. 1 июня 2016 г. губернатор области подписал в Мюнхене соглашение о создании предприятия по производству древесно-волоконных плит на общую сумму 600 млн евро.

Конечно, этого, может быть, недостаточно для того, чтобы Росстат смог показать высокие темпы роста. Но все это предприятия с востребованной рынком продукцией, нужные территориям. Есть надежда, что они будут эффективными и не будут содержать в себе инфляционную составляющую, что неизбежно произойдет, если мы буквально перейдем к «финансовому форсажу» за счет государственных капиталовложений и накачки экономики деньгами, даже если эти деньги будут «мечеными».

В целом уже через полтора года после введения санкций и падения цен на нефть российский бизнес продемонстрировал способность адаптироваться к новым условиям.

- Проведена чистка управленческих кадров. РусГидро уменьшил центральный аппарат на одну треть (по дочерним компаниям сокращено 1,1 тыс. рабочих мест), РЖД уменьшили штат на 6%, АвтоВАЗ уволил 6,4 тыс. работников. Сбербанк за первое полугодие 2015 г. сократил 5 тыс. человек, группа ВТБ – 3,6 тыс. человек¹.
- Сокращены дополнительные выплаты (премии и бонусы).
- Переведены в режим ожидания многие сомнительные проекты.
- Ускорилась распродажа непрофильных активов.
- Бизнес согласился на некоторое ухудшение условий продаж (снижение цен, скидки за объем, отсрочка платежей).

Все это сыграло немалую роль в сокращении инфляции в 2016 г. Но долгое время так продолжаться не может.

Российскому бизнесу требуется кардинальная трансформация:

- переориентация с краткосрочной на долгосрочную доходность;
- более интенсивный поиск новых ниш для сбыта прежде всего в российских регионах;
- расширение линейки за счет импортозамещаемых продуктов;
- ресурсосбережение;
- более широкое использование долгосрочных контрактов с поставщиками энергоресурсов и транспортных услуг и др.

Без этого не добиться долговременного снижения инфляции издержек.

Чрезмерно высокая зависимость от внешних рынков. Активное участие в международном разделении труда – необходимое условие для развития любой экономики (для российской, из-за нашего отставания, особенно). Однако алгоритм экономического развития, заданный в 90-е гг. и который упрощенно можно сформулировать «все, что нужно, купим за нефть», создал критический уровень зависимости от внешних рынков и, что еще хуже, привел к утрате компетенций в целом ряде секторов.

Мы экспортируем свыше 40% добываемой нефти, а если считать с нефтепродуктами, то свыше 70% (!). Экспортная квота добычи газа порядка 30% (без учета газа, потраченного на экспортируемые продукты газохимии). И это при том, что значительная часть территории страны не газифицирована. На экспорт ориентировано производство калийных и азотных удобрений, черная и цветная металлургия, лесопромышленный комплекс. Потребление продукции этих отраслей внутри страны недостаточно. Например, удобрений на гектар пашни мы используем в разы меньше, чем в Европе.

Соответственно, доля импорта в потреблении превышает 40%. Импортные поставки по объему превышают межрегиональные. Доля закупаемого за рубежом оборудования и технологий в металлургии – 75%, в ТЭКе и лесопромышленном комплексе – 70%. Сельское хозяйство почти полностью зависит от импортных поставок семян, пестицидов, средств ветеринарии, оборудования для птицефабрик и животноводческих комплексов и пр. Легкая промышленность зависит не только от импорта оборудования, но и сырья. Больше 70% лекарств, 40% продовольствия, большая часть промышленных потребительских товаров закупается за рубежом.

Отношение чистого экспорта (актив торгового баланса) к ВВП достигал у нас 9%, что выше, чем у Китая или Германии, – 5–6%. Для сравнения: доля всего экспорта в ВВП США практически вплоть до Второй мировой войны составляла порядка 5%².

Такая ситуация напрямую сказывается на динамике и характере российской инфляции через 1) отвлечение ресурсов из экономики; 2) зависимость от мировых экспортных и импортных цен и 3) влияние курса рубля как на инфляцию спроса, так и на инфляцию издержек.

При такой зависимости от внешних рынков ограничиваются возможности Банка России в использовании курсовой политики. Курс рубля в силу неэффективности российской экономики не может не быть волатильным и должен быть заметно ниже паритета покупательной способности. Это характерно для всех развивающихся стран.

¹ Эксперт. 2015. № 43. С. 94.

² См.: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. И. С. Королева. М., 2003. Таблица IV. 27. С. 602.

В наших условиях девальвация рубля резко увеличивает инфляцию издержек не только за счет удорожания импортного оборудования, комплектующих и материалов, но и за счет роста цен по внутренним поставкам наших экспортных отраслей. Так, цены на прокат черных металлов за 2014 г. выросли на 26–28%. Основной рост – курсовой – пришелся на октябрь–декабрь. Инерция роста цен сохранилась и в 2015 г., несмотря на некоторую стабилизацию курса рубля.

Может быть, при «плавающем» курсе рубля для защиты роста цен на внутреннем рынке стоит расширить систему экспортных пошлин, распространить ее на все экспортные отрасли, одновременно сделав ее более гибкой. Например, по некоторым отраслям предусмотреть нулевые пошлины и механизм их быстрого повышения при изменении внешней конъюнктуры.

В тучные 2000-е гг., чтобы не допустить повышения курса рубля в условиях масштабного притока нефтедолларов, Банк России был вынужден скупать валюту. С 2002 г. до середины 2014 г. реальный курс рубля повысился на 60%. (Для сравнения: реальный курс норвежской кроны за этот период остался неизменным.) Предпосылки для падения рубля появились раньше, чем произошла его фактическая девальвация в конце 2014 г. При этом влияние девальвации на экономику в нынешний кризис и в кризис 1998 г. было различным во многом потому, что в конце 90-х гг. зависимость от импорта была ниже, чем сейчас, и влияние девальвации рубля на инфляцию издержек было меньше.

Рост импортной зависимости имел объективные причины. Импортные поставки зачастую обходились покупателям в среднем дешевле, чем отечественные¹. Поэтому снижение зависимости от импорта (импортозамещение) – сложный и длительный процесс, который будет неизбежно связан с инфляционным давлением, по крайней мере в течение какого-то периода времени.

Антиинфляционная политика государства

С переходом на инфляционное таргетирование антиинфляционная политика стала основным пунктом в повестке дня экономических дискуссий в стране на всех уровнях, вплоть до президентского, отодвинув на второй план застарелые структурные проблемы экономики. Явно организованной травле подвергается Банк России как чуть ли не главный виновник плохой экономической ситуации в стране. Гораздо меньше критикуют Минфин и политику сдерживания доходов. Но факты говорят о том, что как раз Банк России в непростых условиях проводит, по сравнению с другими экономическими

ведомствами, наиболее рациональную политику и пока не поддается оказываемому на него давлению.

Денежно-кредитная политика. Основные направления критики Банка России:

- Падение курса рубля и усиление его волатильности после перехода к режиму свободного плавления.
- Рост цен из-за девальвации рубля.
- Нежелание Банка России в условиях сохранения инфляционных рисков снижать ставку рефинансирования и увеличивать предложение денег в экономике. При этом ссылаются на отсутствие зависимости между ростом денежной массы и инфляцией².

Такая критика, на наш взгляд, безосновательна.

Как раз наоборот, Банк России смягчил шок от почти трехкратного падения цен на нефть и санкций, закрытия доступа отечественных банков к международным финансовым рынкам (основному источнику ресурсов до санкций).

Действительно, прямой связи между ростом денежной массы и инфляцией в России нет. Основной фактор инфляции, который можно количественно оценить, – это девальвационные ожидания. Рост денежной массы в период повышения нефтяных цен в 2000 г. сопровождался ростом реального курса рубля. Банк России вынужден был скупать доллары, чтобы поддержать конкурентоспособность экономики. В этот период надо было ожидать не девальвации, а, скорее наоборот, ревальвации рубля. С конца 2014 г. ситуация повернулась на 180°. Если бы не жесткая денежно-кредитная политика Банка России, в том числе и чистка банковской системы, то курс рубля упал бы еще сильнее. Соответственно и больше выросли бы цены.

Банк России критикуют за якобы высокую ставку рефинансирования. Но, во-первых, эта ставка соответствует инфляции. А во-вторых, определяет и размер процента по вкладам населения. Рублевые сбережения домашних хозяйств (с учетом хранящихся дома наличных рублей) сегодня не менее 17 трлн – почти половина денежной массы и четверть ВВП. Это существенный ресурс для банковского кредитования. Но одновременно и потенциальная угроза ухода в валюту, если процент по вкладам не будет привлекательным. Ставка по депозитам не должна быть ниже инфляции, точнее инфляционных ожиданий на период действия депозита. Конечно, получать кредиты за счет населения – заманчиво, но вряд ли экономически оправданно в долгосрочной перспективе. Во многих странах ставка по депозитам населения регулируется государством. Это происходит и в Китае, и во Франции. Так, во Франции ставка по наиболее популярным, не облагаемым налогом депозитам (*Livret A*) устанавли-

¹ Правда, не всегда. Предпочтение импорту нередко отдавалось из-за возможности получить «откаты» (комиссию) на зарубежные счета.

² Например: *Ершов М. В.* Рецепты Кейнса, Гэлбрейта и Фридмана – в нашу жизнь! // Эксперт. 2015. № 44. С. 28.

вается премьером и управляющим Банка Франции всегда на уровне выше инфляции.

Промежуточные итоги политики Банка России на середину 2016 г.:

- удалось сохранить золотовалютные резервы;
- годовая инфляция снизилась с 15% до 6–7% (т. е. более чем в 2 раза);
- курс рубля относительно стабилизировался;
- началось постепенное снижение ключевой ставки Банка России. В июне ставка была снижена с 11 до 10,5%;
- перспектива экономической ситуации улучшилась. Намечается рост промышленного производства.

Даже текущая волатильность курса рубля, в которой обвиняют Центральный банк, имеет положительные стороны – дестимулирует хранение денег в валюте.

В целом политика Банка России позволила смягчить потери от кризиса и для населения, и для бизнеса.

Переход к плавающему валютному курсу был вынужденным ответом на кризис. Как этот режим будет функционировать, когда мировые цены на нефть пойдут вверх, еще не ясно.

То же можно сказать о перспективах таргетирования инфляции. В прошлые годы достичь целевых показателей по инфляционному таргетированию не удавалось. Но в антиинфляционной политике не все зависит от Банка России. Инфляция в 2016 г. снизилась в условиях экономической стагнации. Когда начнется экономический рост, цены могут начать расти. Скачок цен может дать и увеличение социальных выплат перед выборами в Думу.

Также нужно учитывать относительную слабость нашего банковского сектора. Его совокупные активы меньше активов любого из 10 крупнейших банков мира. Есть текущие сложности. В дополнение к официальной просроченной задолженности по выданным кредитам (3 трлн руб.) объем скрытых плохих кредитов на балансах российских банков может достигать 2,4 трлн руб.¹ Вызывает опасения высокая стоимость чистки сектора: кредиты Банка России Агентству страхования вкладов достигли 1 трлн руб. Сейчас ясно, что введенный много лет назад механизм страхования вкладов, куда были допущены и сомнительные банки, нельзя назвать безупречным (хорошие банки платят за плохие). Этот механизм критиковался и раньше. Но оставив чистку банковского сектора, очевидно, нельзя.

Цель – добиться инфляции к концу 2017 г. на уровне 4% – выглядит достаточно амбициозной. Слишком много внешних и внутренних рисков.

Банк России в своей политике использует те же инструменты, что и другие центральные банки. Сейчас все больше говорят (в основном экономисты нелиберального направления), что применяемые за рубежом денежно-кредитные инструменты нам не подходят, у нас другая экономика. И это чистая правда. Экономика у нас другая. Но дело в том, что единого подхода к противодействию инфляции, когда она была высокой, ни в США, ни в Европе не было. В какие-то периоды использовались монетаристские либеральные и неолиберальные методы, в другие – прямо противоположные неокейнсианские², в том числе по поддержанию так называемого паритета цен, т. е. рентабельности производства в сельском хозяйстве. Но результат давала только системная антиинфляционная политика, реальная оценка конкретной ситуации. У отечественных критиков политики Банка России нет системного подхода³. Например, многими из них предлагается зафиксировать, сделать более управляемым валютный курс рубля. Но тогда надо отменять его обратимость не только по движению капиталов, но и по текущим счетам. Вот это будет уже не кризис, а крах российской экономики.

Мы ввели внутреннюю обратимость рубля и либерализовали движение капиталов без необходимой подготовки⁴. Но экономика (и бизнес, и домашнее хозяйство) в целом приспособилась к полной обратимости рубля, понеся при этом существенные издержки, но и получив определенные преимущества. Движение назад было бы ошибкой в квадрате.

Что касается инфляционного таргетирования, то, во-первых, в противодействии инфляции, как и во всем, нужна мера, реальная постановка задачи. Слишком амбициозные, недостижимые цели по снижению инфляции, естественно, могут нанести ущерб экономике. Во-вторых, антиинфляционная политика осуществляется в условиях, во многом создаваемых политикой Минфина.

Бюджет. Ситуация с бюджетом сверхсложная. Бюджетный кризис в регионах. Падение доходов федерального бюджета от снижения нефтяных цен, таможенных платежей по импорту и сокращения налоговой базы. Высокие социальные обязательства государства. Дополнительные расходы (Крым). Вероятность увеличения военных расходов. Уже сейчас *SIPRI* (данные на апрель 2016 г.)

² См.: Никитин С., Степанова М. Инфляция и антиинфляционная политика: зарубежный и отечественный опыт // МЭИМО. 2008. № 4. С. 16–20.

³ Подробнее см.: Тулин Д. В. В поисках сеньоража, или легких путей к процветанию (Обзор полемики вокруг Банка России) // Деньги и кредит. 2014. № 12. С. 6–16.

⁴ В забытой уже программе «500 дней» предусматривалось временное сохранение монополии внешней торговли на стратегические товары экспорта и импорта с тем, чтобы более болезненно провести внутренние реформы, предусматривалась поэтапная конвертируемость рубля.

¹ Орлова Н. Инфляционное таргетирование в России: контекст имеет значение // Агентство экономической информации «Прайм». 16.05.2016.

оценивает долю военных расходов России в 5,4% ВВП (в США – 3,3%, КНР – 1,9%).

Бюджетная политика во многом формирует макроэкономическую ситуацию, в которой действует Банк России.

Высока степень неопределенности в отношении размеров дефицита бюджета и способов его финансирования.

Расходуя Резервный фонд, Минфин стал фактически источником эмиссии в 2016 г. В условиях экономической стагнации и низкого спроса на кредиты для нефинансового сектора это ведет к профициту банковской ликвидности и возвращению «ненужных» денег в Банк России. То есть мы видим определенную аналогию с количественным смягчением в США, но, конечно, в гораздо меньших масштабах.

Политике инфляционного таргетирования больше соответствовало бы не обналичивание Резервного фонда, а переход к неинфляционному заимствованию на внутреннем рынке с ориентацией на привлечение сбережений населения. Процент по таким облигациям государственных займов, естественно, должен быть выгоден для населения, и его доступ к их покупке должен быть максимально обеспечен.

Конечно, пойти на увеличение внутреннего долга – осложнить работу Минфина. Ведомство, естественно, против этого.

При сохранении умеренно жесткой денежно-кредитной политики можно было бы пойти на смягчение бюджетной политики и уменьшить налоговую нагрузку на бизнес. Сейчас с учетом «параллельной налоговой системы» (публичные фискальные сборы, формально не считающиеся налогами) фактическая нагрузка на бизнес выше, чем в ведущих странах мира. По подсчетам Я. М. Миркина, этот показатель в России составляет 43%, в ведущих странах мира – 36%. С учетом разницы в эффективности налоговая нагрузка на российский бизнес должна быть ниже, чем в среднем по миру. Дополнительные источники доходов есть¹. Но их явно не хватит, для того чтобы дефицит бюджета был даже в пределах 3% ВВП. Хотя Минфин хочет довести его за три года до 1,5%.

Возникает вопрос, а почему надо устанавливать предел дефицита бюджета. Трехпроцентный дефицит бюджета, принятый консенсусом в ЕС в Маастрихтских соглашениях, – это как бы компенсация за отсутствие единой бюджетной политики Евросоюза.

Примеров дефицитности бюджетов немало. Так, у Саудовской Аравии после падения цен на нефть дефицит бюджета достиг 20% (100 млрд дол. США).

Увеличение бюджетного дефицита, конечно, создаст дополнительные инфляционные риски. Но сни-

жение налоговой нагрузки для бизнеса: 1) повысит стимулы для инвестиций в основной капитал, т. е. увеличит неинфляционный инвестиционный спрос на деньги; 2) уменьшит издержки бизнеса (дефляционный эффект); 3) повысит собираемость налогов.

Естественно, такой нетрадиционный налоговый маневр надо просчитывать, но целесообразность, а главное реалистичность жесткой бюджетной политики в условиях сохранения внешних ограничений вызывает сомнения.

Минфин заинтересован в инфляции, чтобы сверстать бюджет даже с нулевым сальдо, не сокращая расходы. Вряд ли у нашего фискального ведомства хватит решимости пойти на радикальный налоговый маневр, предложить существенное сокращение налогов для бизнеса и временно пойти на увеличение дефицита бюджета.

Конечно, это повысит инфляционные риски, но сокращение налогов позволит повысить конкурентоспособный спрос на деньги, а в перспективе расширить налоговую базу. Снижение налогов заведомо лучше, чем дотации бизнесу посредством льготного кредитования. Выгоду от снижения налогов получают только работающие предприятия, а при выборе объектов господдержки за счет бюджета высок риск дорогостоящих ошибок, лоббирования корпоративных интересов. Соответствующих специалистов в области проектного финансирования практически нет ни в Минфине, ни в Минэкономразвития.

Минфин идет, к сожалению, по традиционному пути фактического увеличения налогов для бизнеса и ограничения и даже снижения доходов населения.

Политика сдерживания доходов. Это наиболее спорное направление сегодняшней антиинфляционной политики, катализатором которой выступает Минфин. Сдерживание роста зарплат, отказ от индексации пенсий работающим пенсионерам дополнительно понижают платежеспособный спрос, который уже снизился за счет девальвации рубля.

По оценкам «ФинЭкспертизы», за год с начала введения санкций темпы инфляции в России в 4 раза превысили средний рост заработных плат. В Москве инфляция опережала рост зарплат в 6,2 раза. В некоторых регионах разрыв был значительно больше. В Башкирии, например, рост зарплат составил 0,22%, а цен – 16,29% (опережение в 73 раза). В шести регионах России при инфляции от 17 до 19% уровень зарплат снизился – Амурская обл., Краснодарский край, Дагестан, Тверская обл., Волгоградская обл., Курганская область. Единственный регион, где зарплата обогнала инфляцию, был Сахалин – за счет высокой активности в нефтегазовом секторе.

В результате потребительские расходы сокращаются. По данным ВЦИОМ, 62% населения экономят на продуктах питания. У фонда «Общественное мнение» (ФОМ) схожие данные – 46% россиян со-

¹ См.: Аганбегян А. Г. Как оздоровить российский бюджет? // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 4. С. 7–19.

крашают траты на еду (мясо, сыр, колбасу, рыбу). Согласно опросу *Sberbank CIB*, 36% населения сократили вообще все расходы¹.

Политика сдерживания доходов, широко применявшаяся в прошлом во многих развитых странах, не учитывает российские реалии. По оценке Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, модальный (наиболее типичный) уровень доходов и заработной платы в реальном выражении из-за высокой дифференциации доходов ниже, чем в 1991 г. Показатель МРОТ (в годовом исчислении) даже после его повышения в 2016 г. – один из самых низких в мире. В отличие от большинства других стран в России 30% работающих получают менее 2/3 средней зарплаты по стране. Среди домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума 59% – домохозяйства с двумя и более работающими, а среди крайне бедных семей (с доходами ниже половины прожиточного уровня) семьи с двумя и более работающими составляли более 50%². К этому нужно добавить низкий размер пособий на детей из малообеспеченных семей (в среднем 150 руб.) и низкие стипендии в вузах и колледжах (техникумах). Увеличение доходов этой категории населения, может быть, для страны более приоритетная задача, чем инфляционное таргетирование.

Широко распространенный тезис (лежащий в основе политики сдерживания доходов населения) об опережающем росте трудовых издержек по сравнению с ростом производительности труда, по мнению ряда заслуживающих доверия специалистов, по меньшей мере спорен. Преобладающей в последние 15–20 лет была тенденция к снижению удельных трудовых издержек³.

Снижается покупательная способность пенсий. В феврале 2016 г. пенсии неработающих пенсионеров индексировались на 4% при среднегодовой инфляции 15,5% в 2015 г. Если рост пенсий отстает от инфляции на 10 п. п., то доходы примерно 1 млн пенсионеров опустятся ниже прожиточного минимума. Обсуждается снижение пенсий работающим пенсионерам...

Меры такого рода, полагаю, тормозят выход из кризиса.

Антиинфляционная политика и экономический рост

В идеале противоречий между антиинфляционной политикой и стимулированием экономического роста быть не должно. Такие противоречия возникают только тогда, когда политика инфляционного

таргетирования ставит перед собой нереальные задачи. Или если пытаться искусственно форсировать рост неэффективной экономики, т. е. впустую растрачивать ресурсы.

Инфляция и отсутствие качественного устойчивого роста, по сути, определяются одними и теми же фундаментальными причинами. Поэтому противопоставлять инфляционному таргетированию задачу повышения темпов роста некорректно.

Абсолютно необходимое условие для снижения инфляции – дисциплина и в государственных, и в частных финансах. Просто «накачка» экономики деньгами, предоставление бизнесу дешевых кредитов (в конечном итоге за счет населения) неминуемо создаст противоречия между экономическим ростом и борьбой с инфляцией.

Эффективная антиинфляционная политика не может не учитывать общехозяйственную ситуацию в стране. Сохраняет актуальность позиция признанного специалиста в вопросах инфляции С. М. Никитина, высказанная еще в начале пореформенного периода: «В условиях нашей страны цель антиинфляционной политики не полное «замораживание» роста цен – это невозможно и вредно, а сохранить контроль над инфляцией, не допустить или ликвидировать ее опасный разгул. При этом в рамках антиинфляционной политики сегодня требуется многообразное сочетание экономических и административных мер в той же степени, в какой сочетаются эти элементы в хозяйственном организме страны, переживающей очень трудный период»⁴.

Одновременно нельзя абсолютизировать темпы экономического роста. Форсированный рост, погоня за высокими темпами без решения базисных проблем могут иметь негативные последствия, особенно если риски за инвестиции берет на себя не бизнес, а государство. Во времена СССР мы допустили немало дорогостоящих ошибок в расходовании казенных денег (целина, мелиорация). Подобного рода ошибки были и в новейший период российской истории. Некачественный экономический рост, низкая эффективность капиталовложений только усугубят наши трудности, не повысят жизненный уровень. Возрастут и инфляционные риски.

Общий подход и Банка России, и экономического блока Правительства сводится к следующему: снизим инфляцию, тогда понизится стоимость кредита для бизнеса, появятся «длинные» деньги для инвестиций, начнется устойчивый экономический рост. То есть инфляционное таргетирование проводится в целях роста.

В реальности взаимосвязи между инфляцией и ростом гораздо сложнее. Во-первых, понизится только номинальный процент по кредитам. Банк России будет сохранять реальную процентную

¹ Эксперт. 2015. № 43. С. 25.

² Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года. Коллективная монография / под ред. акад. В. В. Ивантера, д. э. н. М. Ю. Ксенофонтова. М.: Анкил. 2013.

³ См.: *Капелюшников Р.* Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 36–61.

⁴ Инфляция и хозяйственный механизм (80-е годы) / под ред. С. М. Никитина. М.: Наука. 1993. С. 295.

ставку (разница между номинальной ставкой и инфляцией) выше равновесного уровня (2,5–3%). Поэтому реальный процент понизится только тогда, когда сузится маржа между процентами по привлекаемым банками ресурсам и по банковским кредитам. Во-вторых, «длинные» деньги не появятся без развитого финансового рынка. А это не быстрая история. В-третьих, снижение инфляции автоматически не приведет к увеличению инвестиций. Здесь действует много факторов.

В 2000-е гг. прямая связь между инфляцией и темпами экономического роста не прослеживается. Относительно высокие темпы роста экономики в 2003 г. и 2004 г. (соответственно 7,3 и 7,2% – выше мировых показателей) были при двузначной инфляции. Более отчетливо видна связь между экономическим ростом и динамикой цены на нефть. Рост экономики был только при растущей цене на нефть. При высокой, но стабильной цене рост прекратился.

Но если инфляционное таргетирование – вполне рациональный элемент экономической политики (естественно, если при таргетировании инфляции ставятся реалистичные цели), то таргетирование экономического роста, в отличие от его прогнозирования, – нонсенс.

Считать темпы экономического роста само собой разумеющимся приоритетом – заблуждение, идущее от советских времен, когда для руководства страны низкие темпы роста были *политически* неприемлемы.

В начале 60-х гг. Н. С. Хрущев ничего не хотел слышать о так называемой *санитарной пятилетке* с нулевыми темпами роста для проведения структурных реформ, необходимость которых была уже тогда очевидна.

Академик А. И. Анчишкин в последней Комплексной программе научно-технического прогресса, которой он руководил, вышел на темпы роста 0,8%. Заставили пересчитать на 4%. Результат завышенных для экономики темпов – растрата ре-

сурсов, выпуск некачественных товаров, снижение эффективности экономики.

Так называемое *ускорение* также сыграло свою роль в распаде СССР.

Никто не спорит, экономический рост, безусловно, необходим. Но для этого надо создавать условия. И коммерческие риски этого роста должен нести бизнес, а не государство и население.

Что касается действий регуляторов, то чтобы избежать противоречий между антиинфляционной политикой и экономическим ростом, требуются определенные коррективы.

Финансовым регуляторам (Банку России и Минфину), естественно, следует учитывать хозяйственную ситуацию. Центральному банку при продолжении умеренно жесткой денежно-кредитной политики стоит, вероятно, продумать региональный механизм рефинансирования, стимулировать развитие системы небольших местных банков, работающих в муниципалитетах и ориентированных на работу не на финансовых рынках, а с местным малым бизнесом (фермерами, предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья, местными промыслами), на участие в сбытовой и снабженческой кооперации и т. д. Возможно содействие таким банкам со стороны отделений Почтового банка и Россельхозбанка. Но помощь бизнесу Банку России, действительно, на себя брать нельзя: поддержка бизнеса, прежде всего в плане сокращения налоговой нагрузки, – прерогатива Минфина России.

Чтобы сдерживать инфляцию издержек, нужны совместные действия всех экономических регуляторов, включая антимонопольную службу, Минэнерго, Минсельхоз, Минтранс, Минстрой и др.

Только в этом случае возможно проведение системной государственной антиинфляционной политики, составной части общеэкономической стратегии, ориентированной на повышение качества жизни и конкурентоспособности экономики.

Список литературы

1. Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года. Коллективная монография / под ред. акад. В. В. Ивантера, д. э. н. М. Ю. Ксенофонтова. М.: Анкил. 2013.
2. Инфляция и хозяйственный механизм (80-е годы) / Под ред. С. М. Никитина. М.: Наука. 1993.
3. Никитин С. М., Глазова Е. С. и др. Инфляция: ценообразование и денежное обращение. М.: ИМЭМО. 1994.
4. Никитин С. М. Теории инфляции и их эволюции // Деньги и кредит. 1995. № 1.
5. Никитин С. М., Глазова Е. С., Степанова М. П. Антиинфляционная политика: зарубежный опыт и Россия // Деньги и кредит. 1995. № 5.
6. Красавина Л. Н., Пищик В. Я. Регулирование инфляции: мировой опыт и российская практика. М.: Финансы и статистика. 2009.
7. Тулин Д. В. В поисках сеньоража, или легких путей к процветанию (Обзор полемики вокруг Банка России) // Деньги и кредит. 2014. № 12. С. 6–16.